

18+

Дмитрий Романцев

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПАМЯТИ

ХОЛОД 2042

Дмитрий Романцев Последний день памяти. Холод 2042

<https://litres.ru/74248847>

ISBN 9785007037020

Аннотация

«Последний день памяти. Холод 2042» — Вторая книга цикла. Мир не погиб от бомб. Он просто забыл, как жить. 2042 год. За вирусом, стёршим человеческую память, последовал пепел, который перевернул расклад планировщиков нового мира. Три силы, три пути к выживанию. Память — последнее оружие. Забвение — идеальное преступление. Философская фантастика о том, что делает нас людьми.

Содержание

Дисклеймер	5
Пролог	6
Часть первая. Стена	11
Глава 1. Винсент. Толчок	11
Глава 2. Юрген. Расписание	21
Глава 3. Алекс. Эхо	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Последний день памяти Холод 2042

**Дмитрий Александрович
Романцев**

© Дмитрий Александрович Романцев, 2026

ISBN 978-5-0070-3702-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дисклеймер

Все события и персонажи данного произведения являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями, научными разработками или историческими событиями случайны.

Автор не ставит целью пропаганду каких-либо политических, религиозных или идеологических взглядов. Описанные технологии, медицинские эксперименты и социальные модели представлены исключительно в рамках художественного замысла.

Произведение носит философско-фантастический характер и предназначено для осмысления тем памяти, ответственности и человеческой природы в условиях кризиса цивилизации.

События происходят в альтернативной реальности и не отражают конкретные страны или правительства.

Пролог

Старик звался когда-то Эдуард Мороу, доктор геофизики, сорок один год научного стажа, две монографии, восемнадцать аспирантов. Сейчас — просто Эд. Имя сократилось вместе с миром.

Он жил на станции один уже два года. Низкое жёлтое здание на склоне, солнечные панели на крыше, датчики, вкопанные в породу за километры отсюда. Объект номер семнадцать. Так это называлось в бумагах, которые больше никто не читал.

Утром, как всегда, кофе. Растворимый, кислый, три банки в запасе. Эд пил его не ради вкуса, а ради ритуала: кружка, кипяток, ложечка. Каждое движение — на месте. Это держало.

Сел за пульт. Половина приборов мертва, половина ещё работала. Эд каждое утро записывал показания в журнал — тетрадь в клетку, ручка с прозрачным корпусом. Никто это уже не прочитает. Записывал по той же причине, по которой пил кофе.

Стрелки на одном приборе дёрнулись. Эд посмотрел.

Стрелки на втором — тоже.

На третьем.

Все стрелки на пульте пошли разом — куда положено идти стрелкам, когда внизу что-то решило, что хватит ждать.

Эд встал.

Не быстро — спокойно. Он этого ждал последние три года. Его собственная модель — лёд ушёл, разгрузка коры, давление сместилось. Сорок один год научного стажа сказал ему: жди. Он и ждал. Жена ушла раньше — сердце. Дети были далеко, на побережье, и связь с ними оборвалась с эпидемией. Остаться на станции одному было нелогично. Но и уйти — некуда.

Ноги у него болели по утрам, и он давно привык не торопиться.

У окна стояла рамка. Деревянная, простая, с трещиной в углу. В рамке — фотография. Женщина смеётся, голову запрокинула, рот раскрыт, видно зуб с краю — кривой, она его всегда стеснялась. Снимок старый, плёночный, цвета поплыли в красное.

Эд её помнил. Полностью — лицо, голос, как ругалась за грязные ботинки в прихожей, как пахла дешёвым шампунем с миндалём. Эд был из тех двадцати процентов, которым повезло. Память осталась.

Он взял рамку. Сел обратно в кресло. Поставил фотографию на колени.

Земля толкнула — не сильно, но определённо. Кружка с кофе на пульте подпрыгнула и упала набок. Кофе пошёл по бумаге журнала, размывая утренние цифры.

Эд этого не заметил.

Он смотрел на жену.

За окном — далеко, далеко на востоке, за хребтами — что-то поднималось. Серое. Высокое. Выше, чем должно подниматься что бы то ни было.

Звук дойдёт позже. Звук всегда позже.

У него было — он прикинул машинально, по привычке учёного — минут шесть. Может, восемь. Достаточно.

Эд закрыл глаза. Положил ладонь на стекло рамки. Стекло было прохладное.

— Лина, — сказал он вслух. — Ну вот.

Звук догнал его на седьмой минуте. Низкий, утробный — то, что слышит кит, когда другой кит зовёт его за тысячу километров через холодный океан.

Стены станции дрогнули.

Лина смеялась на фотографии — продолжала смеяться, пока всё не стало белым.

В главных ролях:

Винсент Бёрн — тот, чьё тело знает дорогу домой. Дом ждал четырнадцать лет. Но за домом приехали чужие, и дом оказался в горах, где решают, кому войти.

Лиза Миллер — та, кто идёт на север. Одна, по пеплу, с собакой, которую не взяли в бункер. Юг горит, восток — её прошлое, остаётся север.

Оскар Нойт — тот, кто несёт формулу мёртвого брата туда, где её ждут. И садится работать напротив человека, который брата убил.

Алекс Крушени — тот, кто вышел из-за стены в мир и

теперь слышит чужие голоса в холодном эфире. Один из них зовёт на помощь. Остальные молчат.

Это книга вторая. Холод 2042.

Часть первая. Стена

Глава 1. Винсент. Толчок

Лилия ехала на спине, как мешок муки, и комментировала.

— У тебя плечи костлявые, — сказала. — Я раньше не замечала.

— Извини.

— А раньше у тебя были не такие плечи?

— Не помню.

— Тогда я раньше была меньше.

— Совершенно точно.

— Понятно.

Лилия удовлетворённо устроилась поудобнее. Ноги у неё были тёплые на пояснице у Винсента, руки на шее — лёгкие. Шесть лет — без двух недель. Винсент считал в уме каждый день — как считают что-то очень важное, чтобы не потерять.

Шли третий день.

Дорога — асфальт, потрёпанный солнцем, кое-где провалившийся в ямы. Слева — пустой бензозаправочный комплекс, который они прошли вчера. Справа — поле, заросшее полынью по пояс. Впереди, далеко-далеко — синяя ниточка хребта. За хребтом, по карте Винсента, снова поле, и снова

дорога, и километрах в шестидесяти — город.

Город Юргена.

Винсент не любил это про себя думать. Это был просто город. Но сейчас, идя обратно туда, куда обещал вернуться, он не мог думать иначе. Там ждали трое: Алекс на крыше с рацией, Оскар в лаборатории, Лиза с книгой про грибы. И Юрген в кабинете, который не любил Винсента и которого не любил Винсент. Юрген обещал не трогать остальных, пока Винсент держит слово. Слово было: вернуться.

Винсент возвращался. С Мариной, с Лилией и с четырьмя горожанами, которые ушли из города вместе с ним.

Был полдень.

— Папа.

— Что.

— А когда мы дойдём, там будет молоко?

— Не знаю. Может, козье.

— Я козье не пробовала.

— Попробуешь.

Лилия вздохнула — это был вздох большой, серьёзной женщины, которая принимает важное решение. Винсент чуть улыбнулся.

И в этот момент земля ударила в подошвы.

Будто кто-то под асфальтом размахнулся снизу и стукнул.

Винсент упал на колено. Тело сделало это раньше головы — присело, вес на правую ногу, левая рука на земле, и рука машинально подхватила Лилию под коленку, чтобы не со-

рвалась. Он не помнил, чтобы учился такому. Тело помнило.

Лилия завопила. Не от боли — от обиды.

— Папа!

— Тихо. Я держу.

— Ты упал!

— Не упал. Я присел.

— Нет, ты упал!

— Это спор философский, — сказал Винсент. — Потом обсудим.

Он медленно выпрямился, не ставя Лилию на землю. Огляделся.

Марина стояла. Не упала. Лицо побледневшее, но ровное. Винсент знал это лицо — оно появлялось у неё в роддоме, когда схватки становились настоящими. Лицо человека, который понял, что началось, и теперь нужно работать.

Двое из четырёх горожан сидели на асфальте. Двое других — мужчина лет пятидесяти и женщина чуть моложе — стояли, держась друг за друга.

— Все целы? — Винсент.

— Целы.

Земля под ногами стояла. Один удар, и — тишина.

Не утренняя тишина. Другая. Будто весь воздух сделал шаг назад и ждёт, что будет.

Винсент прислушался.

Птиц не было.

Три дня они шли мимо полей, и над полями всё время

кружили вороны — чёрные, тяжёлые, орали хрипло. Сейчас не было ни одного звука, кроме дыхания семи человек.

Винсент медленно повернулся на запад.

И увидел.

На горизонте поднималось.

Не дым — дым растекается, ловит ветер. Это поднималось вертикально. Серой колонной, плотной, как будто кто-то выдавливал её снизу пальцем. Винсент видел, как она растёт — глазами, в реальном времени. Верхушка уходила всё выше, в небо, и небо вокруг неё темнело.

Фигура. Серая. Огромная. Без лица. Стоит на западе и смотрит.

— Господи, — сказал кто-то из горожан. Тихо.

— Это вулкан? — Лилия.

— Вулкан, заяка.

— Большой?

— Большой.

— Мы умрём?

Винсент посмотрел в её серьёзное лицо. Серые глаза, его глаза.

— Нет.

Сказал твёрдо. Не потому, что знал. Потому, что у шестилетней дочери должны быть слова, в которые она может поверить.

— Хорошо, — сказала Лилия. Подумала. — А он далеко?

— Далеко.

— Тогда нормально.

Винсент опустил Лилию на землю — медленно, чтобы она не возражала. Она не возражала. Стояла рядом, держась за его штанину, и смотрела на колонну.

Винсент посмотрел на Марину. Они поняли друг друга без слов — один взгляд. Это тоже тело помнило: четырнадцать лет вместе, шесть из них семьёй. Можно сказать многое одним взглядом, если есть тот, кто умеет читать.

— В город нельзя, — сказал тихо.

Винсент закрыл глаза на секунду. Открыл.

Он переживал за тех кого оставил в городе. Алекс — связист с тремором в правой кисти. Лиза — менеджер с книгой про грибы. Оскар — лаборант с фляжкой. Имена всплыли как фотографии в семейном альбоме.

Город — на восток. Колонна — на западе. Ветер — слабый, но с запада на восток. Винсент не был метеорологом, но кое-что знал: пеплопад идёт по ветру, оседает в низинах. Город при пеплопаде — ловушка: крыши, лёгкие, вода. Возвращаться нельзя.

— Куда тогда? — мужчина из горожан.

Винсент посмотрел на хребет на севере. Низкий, но всё-таки возвышенность.

— Север. Там пепла меньше.

— А что там?

— Не знаю. Но не пепел.

Мужчина посмотрел на жену. Она кивнула. Двое других

тоже кивнули. Винсент ждал спора, его не было.

— Лилию на спину, — сказал Марине. — Я понесу. Так быстрее.

Подняли Лилию. Она устроилась.

— Папа.

— Что.

— А пепел в нос ползет?

— Может ползть. Будем тряпочкой закрывать.

— Хорошо.

Двинулись.

Первый километр — молча. На западе колонна продолжала расти. К полудню её верхушка дойдёт до стратосферы и начнёт растекаться. Винсент это когда-то учил, но не мог вспомнить где.

Потом — догнал звук.

Это был не звук в обычном смысле. Это было давление в ушах, низкое гудение в груди, дрожь в зубах. Будто гора вдалеке откашлялась — глубоко, утробно.

На втором километре Лилия задремала.

Она всхлипнула во сне и зарылась лицом Винсенту в шею.

— Это далеко, — сказал он, не оглядываясь. Скорее себе, чем ей.

Шли дальше.

К четвёртому километру вышли на грунтовку — узкую, песчаную, в колее от лесовозов. Когда-то по ней возили лес. Сейчас она была пустая.

И на грунтовке стояла машина.

Винсент остановился. Тело собралось — плечи опустились, центр тяжести вниз. Старый рефлекс. Лилия проснулась, но молчала — почувствовала, что нужно молчать.

Машина — старый внедорожник, выгоревший до бурого, с порогами в ржавчине и крупным колесом запаски на багажнике. Кто-то вышел из машины. Женщина. Высокая, худая, лет сорока. Тёмные волосы собраны в хвост. Лицо — без выражения, наблюдающее. Винсент видел такие лица. У тех, кто привык оценивать людей за две секунды.

Рука у неё была не на поясе — открытая, видимая. Это Винсент отметил сразу. Не угроза.

— Винсент Бёрн? — спросила.

Винсент замер.

Никто не звал его по фамилии за всё время после песочницы. Никто.

Он не ответил. Тело знало, что ответ не нужен.

— Меня зовут Дана. Я ехала к тебе. Толчок меня застал на дороге.

— Откуда вы меня знаете?

— А ты — откуда умеешь падать на колено за полсекунды до того, как голова поняла? Это не из консалтинга, Винсент. И ты в курсе.

— Колени — мои, — сказал Винсент. — Что хотят, то и делают.

— Нас было трое в этом районе, — продолжила Дана. —

Я успела первой. Дальше будет хуже: пепел, паника, дороги встанут. Пока ехать можно — садитесь. Потом — пешком, и не дойдёте.

— Куда ехать?

— Север-запад. В горы.

— Что там?

— Дом. И люди, которые тебя ждут четырнадцать лет.

— Я не помню никаких четырнадцати лет.

— Знаю. Поэтому за тобой и приехали.

Винсент посмотрел на Марину.

Марина смотрела на Дану. Долго. Изучала. Потом — на Винсента.

— Винс, — сказала тихо. — Если у неё машина с дизелем в момент, когда ни у кого нет машин — у неё структура. И у этой структуры есть на тебя интерес. Вопрос не в том, садиться или нет. Вопрос в том, готов ли ты узнать, кто ты на самом деле.

Винсент молчал. Лилия дышала ему в шею.

— Готов, — сказал.

— Ну и хорошо, — Марина. И первая пошла к машине.

Дана открыла заднюю дверь. Винсент усадил Лилию, Марина села рядом. Четверо горожан забрались в кузов под брезент — там лежали канистры. Дизельные. Пахли соответственно.

Винсент сел на переднее сиденье.

— А толчок? — спросил, когда тронулись. — Тоже знали?

— Толчок никто не предсказывал. Толчок — подарок.

— Подарок?

— Юрген сейчас занят. У него город, эвакуация, паника.

Ему не до тебя. Если бы не толчок — было бы сложнее.

Она сказала это спокойно. Винсент посмотрел на неё сбоку. Тёмный профиль, ровная линия челюсти, маленькая родинка под ухом.

— Вы — кто? — спросил.

— Долгий разговор.

— У нас дорога долгая?

— Часов восемь. Если повезёт.

— Тогда успеем.

Дана коротко, едва, улыбнулась — впервые. Уголок рта чуть дрогнул.

Машина шла на север. Колонна оставалась за спиной — серая, огромная, медленно расползающаяся в небо.

Через час Дана сказала, не отрывая глаз от дороги:

— У нас в «Гнезде» уже есть двое из вашего города. Женщина с дочкой, четыре года. Прибыли четыре дня назад.

— Кэйт.

— Кэйт. Я думаю, вам с ней будет о чём поговорить. Хотя, возможно, и не сразу.

Винсент кивнул. Не удивился.

Лилия снова уснула на руках у матери. Она была — ребёнок, который мог уснуть в момент, когда мир заканчивался, потому что у неё на руках сидела мама, а на переднем сиде-

ные — папа, и значит, всё ещё было в порядке.

Винсент посмотрел на неё в зеркало.

И отвернулся к дороге.

Глава 2. Юрген. Расписание

Юрген пил утренний чай, когда замолчала рация.

Не «потеряла связь» — замолчала. Пятнадцать секунд назад на закрытом канале координатор из центра передавал сводку по западным узлам. Голос ровный, привычный, чуть гнусавый — Юрген узнавал его по гласным. И вдруг — обрыв. Не статика, не помехи. Тишина.

Юрген поставил кружку.

В чае были две ложки сахара — он позволял себе утром две, в обед одну, вечером без. Это была одна из последних его слабостей, и он её любил.

Подошёл к окну.

Кабинет был на третьем этаже бывшей школы, угловой. Из окна — площадь, на площади — низкая чаша когда-то фонтана, в чаше — мусор и сухие листья. Дальше — улицы, крыши, дымы от утренних костров. Город как город.

Он смотрел на запад. В небе что-то поднималось.

Юрген смотрел на это пять секунд. Потом отвернулся от окна и пошёл к столу.

Из верхнего ящика — папка. Серая, без надписи. В папке — два листа. Один — список из ста двадцати имён. Другой — карта. На карте — точка к северу от города, в семидесяти километрах. Объект «Ковчег-7». Вход через старую угольную шахту.

Папка лежала в этом ящике год и три месяца. Юрген не открывал её — знал, что там. Но сегодня, листая лист со списком, поймал глазами свою фамилию. Третья сверху. Не первая.

Он не задумался — в третьей сверху ничего особенного. Координатор знает, кого ставит. Юрген закрыл папку.

Координатор обещал за два с половиной месяца. Координатор молчал сейчас. Что-то пошло не так — не у него, выше. План разваливается, кто-то наверху нажал на кнопку вне расписания.

Юрген положил папку под мышку. Спустился по лестнице.

На втором этаже встретил Глена, своего заместителя.

— Слышали гул, Юрген?

— Слышал.

— Это что?

— Йеллоустоун.

Глен моргнул. Хотел переспросить. Не переспросил. Глен был неглупый — за это Юрген его и держал.

— Распоряжения?

— Собирай людей на площади. Всех. Через десять минут.

— Есть.

Глен развернулся и побежал. На бегу выкрикнул кому-то: «Колокол! Бей колокол!»

Юрген продолжил спускаться.

Колокол был не настоящий — отрезок рельса, подвешен-

ный у бывшего магазина. Когда по нему били ломом, по городу шёл звон, который означал: всем быть на площади. Этот сигнал Юрген ввёл в первую неделю.

Звон пошёл.

Через две минуты на площадь начали стекаться люди. Юрген за полтора года приучил их: на колокол приходить, на колокол не задавать вопросов. Это работало.

Он стоял в центре площади, у фонтана. Ждал.

Через семь минут собрались почти все. Юрген смотрел на лица. Знал почти каждого по имени. Кто что умеет. Кого можно. Кого нельзя.

В руках у него была папка. Он раскрыл её. Поднял лист со списком — так, чтобы было видно.

— Доброе утро, — сказал. Голос ровный, ни громкий, ни тихий. — На западе вулкан. Через несколько часов сюда придёт пепел. Город будет непригоден.

Толпа замерла.

— У нас есть бункер на сто двадцать мест. Семьдесят километров на север. У меня в этом списке — сто двадцать имён.

Кто-то охнул. Юрген не остановился.

— Я буду читать. Кого назову — вправо от фонтана. Документы, тёплые вещи, лекарства. Через сорок минут выезжаем. Те, кого не назвал, остаются. Запасы города — ваши.

В толпе кто-то закричал. Не слово — звук. Длинный, рваный.

Юрген начал читать.

— Уолес Питер.

Мужчина у края толпы поднял руку. Маленький, седой, в очках. Бывший инженер водоканала. Питер пошёл к фонтану, не оглядываясь.

— Миллер Елизавета.

Высокая женщина в шапке. Бывший управляющий, бывший аналитик — Юрген взял её за умение считать в условиях, когда считать никто не любит. Рядом с ней — большой чёрный пёс. Лиза подняла руку, кивнула. Не двинулась к фонтану. Юрген заметил собаку. Заметил, что Лиза не идёт. Не повторил имя. Пошёл дальше.

— Балыц Лиана.

Женщина лет тридцати. Медсестра. Стояла в первом ряду, держа за руку мужа. Услышала имя — не двинулась.

— Балыц Лиана, — повторил Юрген.

Лиана посмотрела на мужа. Муж — Кай, продавец, был на полголовы выше неё, в потрёпанной куртке. Не специалист. Не в списке.

Кай сказал тихо:

— Иди.

— Я не пойду.

— Иди, Лиана.

— Без тебя не пойду.

Кай взял её за плечи. Развернул к фонтану. Подтолкнул — не сильно. Лиана сделала шаг. Остановилась. Обернулась.

— Кай.

— Иди.

— Я тебя...

— Знаю. Иди.

Лиана пошла. Шла медленно. На полпути ноги у неё подкосились — не упала, села на корточки, прижав ладони к лицу. Кто-то из толпы — женщина, незнакомая Юргену по имени — подошла, подняла её, повела дальше. Кай смотрел на спину жены и не двигался.

Юрген продолжил.

— Стейн Ричард. Стейн Эбби. Стейн Кайл. Стейн Бэт.

Семья. Электрик с женой и двумя детьми — десяти и семи лет. Прошли быстро, не глядя ни на кого. Эбби держала младшую, Бэт, за руку. Кайл шёл сам, рядом с отцом.

— Конти Андерс.

— Конти Мария.

— Дайнен Стефан.

— Эриксон Ингрид.

Юрген читал. Имена. Лица. Иногда — поднятая рука, иногда — кивок. Иногда — секунда сомнения, потом движение.

В толпе стояло человек шестьсот. Юрген называл сто двадцать. Это значило: на каждое произнесённое имя приходилось пять произнесённых. Толпа об этом знала, считала про себя. Воздух становился тяжелее с каждым именем.

— Найт Сэм.

Из толпы вышел высокий, лысый, в кожаной куртке. Бывший сторож на складе. Двинулся к фонтану.

И из толпы — следом — рванулся другой человек.

Юрген узнал его сразу. Кейс. Молодой, лет двадцати пяти, с разбитой губой — недавно били в драке у склада. Кейс выскочил вперёд, оказался у самой границы у фонтана.

— Меня тоже! Юрген! Меня запиши! Я могу!

Юрген смотрел на него. Не отвечал.

— Я молодой! Я сильный! Я что хочешь буду делать!

Юрген продолжал смотреть.

— Это несправедливо! Кто решил? По какому праву?

Юрген не отвечал. Это было самое страшное, что он мог сделать в этот момент — не отвечать. Любой ответ — спор. Спор — диалог. Диалог означал, что есть о чём говорить.

Кейс понял это. Юрген видел — понял. И от этого сломался.

— Юрген! Пожалуйста! Юрген!

Кейс рухнул на колени. Не специально — ноги подвели. Закрыв лицо руками. Плечи начали дёргаться.

Глен, оказавшийся рядом, мягко взял Кейса под локоть.

— Идём, Кейс. Идём отсюда. Идём.

Кейс не вставал. Глен не настаивал — просто стоял рядом, не отпуская локтя. Через полминуты Кейс поднялся сам. Глен повёл его в толпу. Кейс не сопротивлялся.

Юрген посмотрел в список. Нашёл место, на котором остановился.

— Найт Сэм, — повторил.

Сэм стоял у фонтана. Услышал своё имя во второй раз. Пошёл за линию.

Юрген продолжил читать.

К концу — последние пятнадцать имён — он заметил, что у него пересохло во рту. Чая в кружке наверху, в кабинете, осталось на дне. Юрген думал об этом, читая.

— Фрейзер Морис.

— Дрейд Питер.

— Дрейд Мина.

— Крушени Алекс.

— Крушени Алекс — повторил Юрген. Никто не откликнулся, ждать не стал. Странно, Оскара Нойта тоже не было — наверное с Алексом пошли искать Винсента, подумал Юрген, Оскар исчез за день до катастрофы.

Сто двадцать. Юрген закрыл папку.

— Все названные — к грузовикам. За школой. Сорок минут.

Толпа разделилась. Названные пошли по своим домам — быстро, не разговаривая. Неназванные стояли. Кто-то плакал. Кто-то смотрел на тех, кто уходил. Кто-то начал кричать что-то Юргену в спину — Юрген не оборачивался.

Глен подошёл сбоку.

— Юрген.

— Что.

— Меня в списке нет.

Юрген посмотрел на него. Глен смотрел ровно, без обиды. Просто констатировал.

— Знаю.

Глен постоял секунду. Лицо у него не изменилось, но в глазах что-то остановилось. Он не ждал «знаю» — он ждал хотя бы паузу, объяснение, может быть «прости». Юрген этого не дал. И Глен это принял — не сразу, нескольких секунд ему хватило. Когда снова заговорил, голос был ровный.

— Я приберусь тут, в школе. И в кабинете у вас. Может, кому-то понадобится.

— Спасибо, Глен.

— Удачи вам там.

— Тебе тоже.

Глен развернулся и пошёл в сторону школы. Юрген смотрел ему в спину. Хотел сказать ещё что-то — не нашёл что.

В этот момент через площадь шёл Штокк. С двумя своими — Юрген не помнил имён, но узнавал лица. Штокк прошёл, не оглядываясь. У Штокка было своё — несколько складов, своя группа, своя дисциплина. Юрген знал: Штокк в список не просился. Штокк никогда никого не просил. Если выживет — выживет сам.

Юрген посмотрел Штокку вслед. Штокк, не оборачиваясь, поднял руку — короткий жест, сухой, как «учтено». И пошёл дальше.

Через сорок минут грузовики стояли загруженные. Шесть машин, дизельные, с тентами. Юрген проверил каждый —

людей, вещи, документы, медицинский ящик. Сел в первую кабину рядом с водителем.

Колонна тронулась.

Юрген смотрел в боковое зеркало. Город уходил назад. Площадь, фонтан, школа с угловым окном. Кто-то стоял у школы. Юрген не разобрал, кто.

Колонна свернула с главной улицы на северную дорогу. Город пропал за поворотом.

— Сколько до бункера? — спросил у водителя.

— Часа три, если без помех.

— Будут помехи.

— Знаю.

Юрген кивнул. Достал из внутреннего кармана записную книжку, маленькую, в кожаном переплёте. Открыл на первой пустой странице. Записал столбиком, ровным мелким почерком: «Прибытие. Проверка фильтров. Распределение по секциям. Связь с центром.»

Подумал. Дописал внизу: «Узнать, кто первые два.»

Закрыв книжку. Убрал.

Колонна шла на север.

Глава 3. Алекс. Эхо

Перед собранием, к Алексу пришли двое.

Алекс проснулся в семь утра — на час раньше обычного.

В звуковой ткани лестницы было лишнее. Шаги. Две пары. Не его соседей.

Соседка с третьего ходила тяжелее — она в подвале искала угол. Парень с пятого ходил быстрее — по утрам бежал к водозабору. Эти шаги были ровные, средне-тяжёлые, поднимались на четвёртый. На его этаж.

Алекс открыл глаза.

В комнате — тёмно-серый свет. На столике рядом с диваном — рация, выключенная, наушники сложены. Рукав халата чуть-чуть не на месте. Алекс это отметил автоматически.

Шаги остановились у двери.

Стук. Три раза. Спокойно, не громко.

Алекс сел на диване. Тремор был на месте — лёгкий, в правой кисти, как обычно по утрам. Подошёл к двери. Не открыл. Спросил через дерево:

— Кто.

— Алекс Крушени?

Голос — женский. Спокойный. Без напора. Так не разговаривают с тем, кого пришли тащить.

— Кто спрашивает?

— Меня зовут Ника. Со мной коллега. Откройте, пожалуйста. Мы не задержим.

«Не задержим». Не «не причиним вреда», не «по вопросу к вам», а — «не задержим». Так говорят люди, которые экономят время.

Алекс открыл.

На пороге — двое. Женщина лет тридцати пяти, тёмные волосы, собранные на затылке, серая куртка. Мужчина чуть старше, с короткой бородой, в такой же куртке, но темнее. Оба — пустые руки. У женщины — тряпичная сумка через плечо. У мужчины — ничего.

— Можно войти? — сказала Ника.

— Нет.

— Хорошо. Тогда здесь.

Ника достала из сумки лист бумаги. Показала Алексу — не дала в руки, держала перед его лицом. На листе была фотография. Чёрно-белая, плохого качества. Алекс на ней лет на десять моложе, в форме, с короткими волосами. Серьёзное лицо. Над фотографией — слово.

«ЭХО».

Алекс стоял. Смотрел.

Он этой фотографии раньше не видел. И слова этого раньше не слышал. И всё-таки — что-то в нём ответило. Не голова — что-то под рёбрами. Тёплое и ровное, как сигнал.

Тремор в правой кисти ушёл.

Алекс посмотрел на свою руку. Рука была спокойной, как

у нормального человека. Это случилось впервые за очень долгое время.

— Что это? — сказал.

— Это вы. Двенадцать лет назад. Снимок при поступлении.

— Куда поступления?

— На службу. Сейчас всё рассказать не успею. На дороге. Алекс молчал.

— Поедете с нами? — Ника.

— Куда?

— На север. Далеко. Туда, где есть люди, которые вас знают. Если ничто в вас не отзовется, когда доедем — мы привезём вас обратно. Это не задержание.

— А если откажусь?

— Уйдём. Сейчас. Но скоро здесь начнётся то, после чего отказываться будет некому. Мы пытаемся забрать тех, кто нам нужен, заранее. Решайте сами.

— Что начнётся?

— Это не для подъезда. Поедем — расскажу.

Алекс молчал.

Бородатый стоял за плечом Ники. Не сказал ни слова с момента, как Алекс открыл. И всё-таки Алекс заметил: он сам, Алекс, машинально стоит к двери чуть боком, левым плечом вперёд. Так, чтобы бородатый, если что, оказался у него за правым плечом — прикрытым. Алекс не помнил, чтобы учился так стоять. И не помнил никого, с кем стоял бы так

раньше.

Тело знало позицию. Знало, и под кого.

— Сколько собираться, — сказал.

— Десять минут хватит?

— Хватит.

— Берите минимум. Документы, тёплое, лекарства. Рацию можно. У нас есть лучше, но если она вам дорога — берите.

— Возьму.

Ника кивнула. Они с напарником отступили на шаг от двери — на лестничную площадку, где их меньше было видно с улицы. Алекс закрыл дверь. Не на замок.

Постоял в прихожей секунду. Потом — собрался. Делал это быстро и точно, как делал всё в этой квартире: не суетясь, не задумываясь о порядке. Документы — в пакет. Тёплый свитер — поверх. Запас таблеток от тревоги, которые ему когда-то выдал Юрген, — в карман. Рация — отключил питание, обернул мягкой тряпкой, положил в сумку. Тетрадь с частотами — туда же. Наушники — в боковой карман.

Из еды не взял ничего. Если на дороге всё, что сказала Ника, правда — еда будет. Если неправда — не понадобится.

Стоял посреди комнаты с сумкой через плечо. Оглядывался.

Эта комната была его жизнью. Он знал в ней каждый звук — как скрипит пол под левой ножкой стола, когда вода в трубе переливается. Он узнавал её всю на слух с закрытыми

глазами.

И сейчас он уходил, и она оставалась — со всеми своими звуками, без слушателя.

Алекс подошёл к рации, которую уже упаковал. Не стал доставать. Просто положил ладонь на сумку, где она была. Одну секунду. Потом вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.